

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАРШРУТЫ

Олег ГУБАРЬ

Что роднит Одессу и Дублин?

Джойс Пушкина читал, а Пушкин Джойса прочесть не успел — разошлись во времени и пространстве. Зато оба почитали Одессу, каковая не только в "Путешествии Онегина", но и в "Улиссе" представлена. Вот и нащупывается некая степень родства, пока литература. Если же идти дальше, глядясь пристально, то похожесть двух отдаленных и разных приморских городов становится все более очевидной. Моя дорогая подруга Пэт Херлихи, знаменитый историк Одессы, американка ирландского происхождения, справедливо замечает: самый тонкий, самый пронзительный юмор рождают всего больше претерпевшие народы, еврейский и ирландский. Вот уже много ближе, причем не только до Берлина и Парижа, но и до неисторической родины заглавного джойсовского персонажа, Леопольда Блума (Блюма).

Другая моя подруга, дорогая не менее, а именно Люся Лысенко, преподаватель Киевской академии искусств, внучка выдающегося украинского скульптора, волею судеб на несколько лет прописалась в Ирландии, в Хэльвике, неподалеку от Дублина. Она-то и рассказала мне впервые о ежегодном "Bloomsday" — Дне Блума, театрализованном

празднике, карнавале, проходящем ровно 16 июня, то есть в тот самый день, который описан Джеймсом Джойсом. Тот самый день, в течение коего и разворачиваются все события легендарного "Улисса". Когда два главных героя — типологический иудей Блум (метафорический Одиссей, отец) и типологический христианин Стивен (метафорический Телемак, сын) — двигаются по своим эксклюзивным дублинским маршрутам, как бы навстречу друг другу, и практически не пересекаются.

События романа происходят в реальном городе и реальном времени: все многочисленные мелочи абсолютно достоверны. Топография, ономастика, историко-архитектурные и историко-бытовые детали воспроизведены скрупулезно, в точности, один к одному, у всех персонажей, по крайней мере, есть прототипы. Джойс тщательно изучал все первоисточники, проверяя, обновляя и дополняя собственные впечатления. Дорсет-стрит, пивная Ларри О'Рурка, Беркли-роуд, набережная сэра Джона Роджерсона, Таунсенд-стрит, дом такого-то, лавка другого-то, похоронное бюро Николса, Уэстленд-роу, витрина Белфастской и Восточной чайной компании, почтовое отделение,

подъезд отеля "Гровнор", Брансвик-стрит, рекламные плакаты имбирного зеля фирмы Кантрелл и Кокрейн, "Приют извозчика", Камберленд-стрит, аптекарь Свени на Линкольн-плейс, аптека Гамильтона Лонга и т. д. и т. п. Вся эта "уличная фурнитура" — архиважное дело! И мы еще вернемся к ней по-одесски. А куда гости "Bloomsday" иезуитски (садомазохистски?) следуют этим самым маршрутом, искренне наслаждаясь соучастием.

"Нашим экскурсоводом, — рассказывает Люся, — была поразительно рассеянная, как все гуманистари, старушка, все время теряющая бумажки с цитатами из "Улисса", а вместе с ними и свою группу". За два часа экскурсанты пробежались по дублинскому центру, начав с О'Коннол-стрит, стремительно перешли через реку и ворвались в кафе, где "стол Блума" и стойка, как и все связанные с ним места, отмечены бронзовыми табличками, смонтированными прямо в асфальт, бульжную мостовую и прочие сопротивляющиеся материалы. Сверху на табличке — фигурка шагающего с тросточкой человека (Леопольда Блума), а внизу — приличествующая случаю цитата из романа. Далее — Тринити-колледж, Дюк-стрит и все, что положено в придачу. Перед какой-нибудь пивной Барни Кирнана ряженные разыгрывают сценку из "Улисса", в какое действие охотно включаются (вписываются) припадочные экскурсанты и проч.

И вдруг — что за наваждение?! — на маршруте объявляется "Одесса" — ресторация, понятно, а что же еще. Впрочем, с совершенно неординарной биографией. Заведение это придумал некий Питер О'Кеннеди — большой, надо сказать, оригинал местного разлива. Харизмат, куча сумасбродных идей, делает странные чешуйчатые скульптуры, используя автомобильный лом, составляет поразительные ресторанные меню, да еще вкусно играет на гитаре и поет в ночном клубе. Внешне этот тип сильно смахивает на Брюса Виллиса (видел снимок ресторатора — вырезка статейки о нем, из иллюстрированного журнала), и его принимают чуть ли не за мафиози, хотя это чертовски добродушный человек. Позже Люська спросила его между прочим, с какого это рожна он назвал свой ресторан "Одесса". Последовал презабавный ответ.

Когда Питер сочинял название, он выписывал на бумажке разные прихотливые в голову слова, даже самые непредсказуемые. Одним из таких случайных слов была Одесса. Отчего-то оно, это слово, затесалось в памяти, хотя О'Кеннеди даже понятия не имел, что существует такой город (не у Джойса ли он Одессу вычитал?). В другой раз он сидел у телевизора, и как раз шла программа типа "Что? Где? Когда?". Программу он не слушал, но отчетливо расслышал последний ответ на последний вопрос: "Одесса". Тогда и придумался. А вскоре они с приятелем катались в заливе на яхтенном катере, и тот обратил его внимание на снимающееся с якоря большое судно. "Куда идете, парни?" — панибратски поинтересовался Питер. "В Одессу", — последовал ответ. И тогда ему стало ясно, что это судьба. Теперь Питер мечтает посетить наш город. "И если к тебе однажды завалится огромный бритоголовый ирландец, — предупреждает Люська, — то знай, что это от меня".

Все это было кучу лет назад, в середине 1990-х. И тогда же мне пришла в голову столь же простая, сколь и гениальная идея. Отчего бы нам не закатать тут свой одесский "Pushkinday", по отменному априори привлекательному и привлекающему груды туристов дублинскому "Bloomsday"? Взять хрестоматийное "Итак, я жил тогда в Одессе..." и пройтись

Памятник Пушкину в Одессе

Памятник Джойсу в Дублине

ежедневным пушкинским маршрутом, установить красномедные, навевающие ностальгические всхлипы таблички, обновить или воссоздать соответствующие домишки (торговые ряды близ Нового базара и на других мемориальных задворках, дома де Рибаса, Кирьякова, Бларамберга, Давыдовых и проч.) и заведения, да получать моральные и материальные дивиденды! К слову, и памятники архитектуры подлащаем, а достойные развалюхи (пусть и не памятники) спасем от бесповоротного, беспросветного умирания.

А сколько экзотики на вынос?! Утро в гостинице "а ля ретро рюс", чашка аравийского мокко, приправленная бильярдом в коммерческом итальянском казино, эклер и ансамбль "арфьянок" в немецкой кондитерской, баранина и всяческая пахлава в греческой харчевне, посещение бухты с лицезрением всех флагов, энергичное "сбегание" к морю, купальня, заповедный уголок Старого базара (торг в этом деле уместен!), крутая ресторация Отона с "устрицами по-пушкински", сладкоголосая итальянская опера (пушкинский репертуар: "Сорока-воровка", "Севильский цирюльник", "Тайный брак" и проч.), извозчик-лихач

— знаток и исполнитель оперной классики и т. д. и прочее. В числе прочего, скажем, корчму цыганскую или лавку еврейскую устроить, песни и пляски, заказанный мордобой в регистре фольк (репрезентующие танцевальные собрания) пушкинских времен), "похищение невесты", сувениры подходящие соорудить и т. д. и еще раз прочее.

Мы когда-то, было, приняли пропагандировать эту ненавязчивую идею с сотрудницами Литературного музея Олей Попроцкой и Аней Мисюк. Но как-то никого тогда агитация эта не вдохновила и не встрепнула. Время было трудное, купонное (купоновое?), без куража. Может, теперь пришел черед, с учетом, так сказать, позитивной эволюции того же ресторанного, гостиничного и прочего развлекательного бизнеса, включая не растаможенную Таможенную площадь, за отчетный период и общего нашего неумолимого стремления в Европу и далее везде?

Задаю сто первый вопрос об Одессе: отчего бы и не побрататься с Дублином хотя бы родством выдающихся из ряда вон литературных маршрутов? Не вижу препятствий.

А теперь сто второй вопрос: что делает по этому поводу общественность?